Осознав, что он совершенно не в рабочем состоянии и действительно допустил ошибку, Сюй Цзяннин с чувством стыда извинился:

— Простите, я не нарочно.

— Сегодня ты явно не в форме. Что ты делал вчера вечером? Грабил банки? — В голосе Циня звучала лёгкая насмешка, и он продолжил шутить. — Или, может, провёл ночь в постели с кем-то, кто выжал из тебя все соки?

Такие шутки задели его, ведь он был человеком серьёзным, и он строго возразил:

— Нет, господин Цинь.

Цинь усмехнулся и легко бросил:

— Я тоже мужчина, и знаю, что мужчины любят развлечения. Развлекаться можно, но не слишком увлекайся, особенно если ты мой подчинённый. По крайней мере, не позволяй этому влиять на работу и не веди себя как бабочка, распространяющая свою пыльцу по офису.

Сюй Цзяннин разозлился. Быть неправильно понятым тем, кого он любил, было неприятно. Он сжал губы и недовольно сказал:

— Господин Цинь, я повторяю, я не такой человек и не делаю таких вещей!

Цинь, однако, не придал этому значения. Он всё ещё стоял спиной к Сюй Цзяннину, глядя в окно.

Сюй Цзяннин заволновался. Перед любимым человеком всегда хочется выглядеть лучше, и если его действительно сочтут за легкомысленного повесу, то исправить это будет сложно. Более того, это был первый раз, когда он так сильно кого-то полюбил, и он не хотел, чтобы в глазах этого человека осталось хоть какое-то пятно. Поэтому, не подготовившись, он торопливо выпалил:

— Господин Цинь, я люблю мужчин. Я люблю вас.

Цинь, похоже, был шокирован. Его тело на мгновение застыло, и он начал поворачиваться.

Сюй Цзяннин пристально смотрел на него. Он ещё не успел как следует рассмотреть лицо Циня, и теперь его глаза не отрывались от него. Он видел, как лицо медленно поворачивается, и вот-вот он увидит его полностью! Его сердце сжалось до предела. Как Цинь отреагирует? Подумает ли, что он глуп? Сочтет ли его отвратительным? Или, может быть, у него появится хоть капля надежды?

Одновременно в глубине души возникло странное предчувствие…

В этот момент зазвонил будильник, и всё вокруг превратилось в туман. Он резко проснулся.

Его глаза, затуманенные сном, медленно пришли в себя, и он уставился в белый потолок.

Это был сон…

Офис… Цинь… Коллеги… Признание…

Сюй Цзяннин закрыл лицо руками и молчал три минуты, затем схватил одеяло и спрятал под

ним голову.

— О боже… Какой же я дурак! Как я мог такое увидеть во сне!

— О боже… Я такой глупый! Хотел бы я забыть этот сон, но почему я помню каждую деталь, каждое движение, каждое слово!

— О боже… Глупый, бестолковый и непонятный! Хорошо, что эта стыдная история осталась только в моей памяти!

Через некоторое время Сюй Цзяннин, как черепаха, медленно высунул голову из-под одеяла. Его лицо было красным, а глаза влажными, будто он только что пережил что-то слишком личное.

Если бы в комнате был кто-то ещё, это, несомненно, вызвало бы домыслы.

Сюй Цзяннин почесал голову, посмотрел по сторонам и выключил будильник.

Его лицо отражало смесь досады, скрытого удовольствия и сожаления, но с течением времени он начал грустить.

Цинь.

Цинь Чэнь…

Он не ожидал, что в такой ситуации ему приснится этот человек.

И даже во сне он был таким трусом. Почему он не увидел что-то приятное, а вместо этого оказался в неловкой ситуации?

Говорят, что сны — это отражение наших внутренних переживаний. В его фантазиях он должен был быть с этим мужчиной, делать что-то неописуемое.

Или, на худой конец, они могли бы просто мирно проводить время вместе.

Но что же произошло?

Ха…

Сюй Цзяннин лёг на одеяло, его взгляд стал грустным и затуманенным.

Он любил его, но тот не любил его.

Сюй Цзяннин был влюблён в человека, и чувство любви было странным, словно он пил крепкий алкоголь: обжигал горло, но всё равно хотелось больше. Если пить слишком много, можно опьянеть, а когда алкоголя нет, то мысли возвращаются к нему снова и снова. Иногда он думал, что, может быть, первый напиток был слишком крепким, и поэтому он больше не хотел довольствоваться чем-то другим.

Это был единственный человек, которого он когда-либо любил.

Сны — это сны, и Сюй Цзяннин, хотя и жалел, что сон не продолжился, понимал, что раз он проснулся, то новый день начался, и его жизнь должна начаться заново.

Из-за этого сна его утреннее настроение изменилось. Лёгкость, с которой он парил в небе, внезапно сменилась тяжестью, прижавшей его к земле.

Сюй Цзяннин перед зеркалом ущипнул своё увлажнённое лицо, почистил зубы, умылся, побрился, чтобы выглядеть бодрее и собраннее. Он снял футболку и штаны и надел более формальную полосатую рубашку с брюками, которые он носил на уроках этикета. Его образ резко изменился по сравнению с вчерашним днём. С рюкзаком за спиной он вышел из комнаты.

Он встал рано, и на улице было ещё темно, но вокруг уже кипела жизнь: люди завтракали, спешили на работу. Сюй Цзяннин зашёл в небольшую закусочную, сел за столик и громко сказал:

— Хозяин, одну порцию говяжьей лапши!

Хозяин за стойкой громко отозвался:

— Одну говяжью лапшу, острую?

Сюй Цзяннин, видя, как пот катится по его лбу, а руки не останавливаются у кипящего котла, громко сказал:

— Немного острого, без кинзы, хозяин!

Хозяин быстро ответил:

— Одну говяжью лапшу, немного острого, без кинзы!

Хозяйка, занятая добавлением приправ и сдачей сдачи, всё же успела откликнуться:

— Хорошо!

Сюй Цзяннин поставил рюкзак на соседний стул и оглядел окружающих. В это время утром половина посетителей были мелкими торговцами, одетыми небрежно и молча едящими, а другая половина — офисными работниками, одетыми формально и едящими с расстановкой. Но все ели с аппетитом, что вызывало желание присоединиться.

Не прошло и трёх минут, как перед ним поставили горячую порцию говяжьей лапши, с, казалось бы, особенно большим количеством мяса. Хозяйка улыбнулась:

— Долго ждали.

Сюй Цзяннин был в хорошем настроении. Он улыбнулся, глядя на лапшу:

— Ничего, ваша лапша всегда вкусная, поэтому и народу много.

Хозяйка, польщённая комплиментом, тайком положила ему небольшую порцию домашней кислой капусты, словно ребёнок, шепнув ему на ухо:

— Это моя собственная заготовка, только для вас.

Сюй Цзяннин поблагодарил и попробовал капусту. Его глаза загорелись: кислый вкус с лёгкой сладостью и немного остроты, которая не раздражала горло, но была неожиданно приятной.

Он доел лапшу с этой капустой, и желудок согрелся, а тело расслабилось.

После завтрака он сел на самый ранний автобус. В автобусе было мало людей, и Сюй Цзяннин занял место на заднем сиденье. С мятной жвачкой во рту он спокойно смотрел на город.

Он жил в этом городе восемь лет: три года в университете и пять лет на работе. Город был ему знаком, но в этой знакомстве была и доля чуждости. Многие места он так и не посетил.

За пять лет город изменился до неузнаваемости: из города второго эшелона он превратился в город первого эшелона, из района с множеством проблем — в современный развивающийся мегаполис.

http://bllate.org/book/16675/1529708